

ГОРДЫЕ звуки полонеза грянули на берегу Тихого океана, у подножия городской сопки, на которую карабкаются здешние дома, как трудолюбивые муравьи. Ах, полонез, чеканная поступь кавалеров, кокетливая недоступность дам, отточенность каждого шага на блестящем паркете. Недооценил я тебя в гипсовое пионерское время, зато ценно сейчас, когда все кругом только "хиляют", "лабают" и фаршуют, вдруг обнаруживаешь, что очень чего-то необходимого не достает.

Недавнее открытие по Владивостоке единственной в своем роюде чуть не во всей России хореографической школы – радостный и одновременно грустный этап жизни не только культуры в целом, но и одного человека. Радостный – потому что вы будете ходить по этой школе и не верить, что здесь учатся самые обыкновенные второклашки и третьеклашки. Не какие-нибудь пайники, не зомби и не роботы, как любят накручивать враги всех талантливых педагогов, а такие же резвые и такие же ершистые, как все дети на свете. И тем не менее фантастическая для детского учреждения белизна и чистота внутренних интерьеров остается упрямым фактом после того, как не единожды за день по ним, по этим коридорам, лестницам, холлам, классам прокатывается одна за другой волна детских ног (в сменной обуви, правда) и очень активных вездесущих цепких рук. Кроме чистоты, скажем так, красота. Хотя слово довольно условное и аморфное, для каждого оно свое. Я бы все же выразился сильнее: одержимость красотой. Мраморные, черт побери (простите, дети), лестницы и полы, резные двери, роспись стен всеми музами, ниши с амфорами и вазами, барельефы, цветы. В то же время без пышности, мишуры, очень строго, с великолепным вкусом.

ЧТО ЖЕ ТОГДА грустного? Да так, знаете ли. Не первый раз Виктор Васютин создает свой храм. Не впервые пытается взлететь над... Над тягостной мутотой бренного мелочного существования, в которое нас втягивают разные обстоятельства. Над грязью, пустотой, бездуховностью. Над голодом и сытостью. Над обыденностью и над горем. Как давно это началось – судите сами. Война, село Дроздовка Спасского района, опустевший и рассыпающийся без отцарфоновика домишко. Мать бьется в одиночку за жизнь и прокормление четырех малюток. Холодно, голодно. Бегают в поле выцарапывать из-под снега забытую сою. Ронют картошку из мерзлой земли. В семь лет – полная школа выживания. "Школа была в Александровке, за три километра. Пока снег не ляжет, ходили туда босиком. Мы, младшие классы, занимались после обеда. Туда идешь – дорога еще теплая, а оттуда, в октябре, когда солнце село, уже ледяная. Пятки горят, как от огня, будто на раскаленное железо становилась".

И куда же тянет этого мальчишку после такого "раскаленного железа", после мерзлой картошки, после латания дырявой крыши и топки слабенькой печки? Не поверите – на танцы, ребята, на танцы. В танцевальный кружок. В соседний гарнизонный клуб. Ленинградцы, супруги-выпускники хореографического училища. В четырнадцать – уже сам корифей, руководит всей самостоятельностью части, дирижирует солдатами и офицерскими женами, готовится к ответственной дивизионным смотрам.

Кончилось же дело действительно Ленинградом, Вагановским училищем, его педагогическим отделением. "Витюшу" там до сих пор вспоминают умиленные и убаюкивающие хореографы. Молодого провинциала, впитывавшего эту самую культуру всеми фибрами юной души. Отслушает все до единой лекции, еще сбегает на Кировскую сцену станцевать пажа в кордебалете. А потом еще в заводской клуб провести кружок.

А затем ансамбль из маленького Спасска – сладкие воспоминания зари туманной юности. Фестивальные призы, победы на смотрах, газетные очерки, комсомольские лауреатства, телефильмы, гастроли. Народ рукоплещет, начальству приятно. Во Владивостоке Васютину жалуют раздолбанную старенькую школу на Второй речке, и рождается городская детская хореографическая студия. Никто, конечно, ее не подарил детям в готовом виде. Уже как там ломали и перестраивали стены, как выгребали тонны мусора, как новоявленный директор вымучивал на судоремонтном заводе палубные доски для танцклассы, как добывал оформление и украшения, как дети с родителями засучивали рукава на субботниках – это своя танцевальная картинка, в особом жанре.

Фото Владимира БОГДАНОВА

А явление в студию высокопоставленных гостей – от послов разных стран, пославших Приморье, до наших министров, включая наикультурнейшую Фурцеву, – свой жанр.

И уж поверьте старому скептику, отнюдь не приверженцу аморфного эстетизма, это была не показуха. На обычных городских школьниках стоял особый знак педагогического качества. Васютин читал блистательные лекции по истории культуры и искусств, от которых и у взрослых слушателей отваливались челюсти. Пристрастнее любых родителей проверял дневники. Учил ходить, держаться, есть, пить, относиться друг к другу, ощущать потребность и высочайшую дисциплину, и артистическую свободу. Во Владивостоке, сроду не видевшем настоящего балета, кроме гастрольных групп, студия дала блистательные, ошеломившие горожан полнометражные премьеры "Айболита" и "Щелкунчика". Костюмы, декорации, оркестровка, размах дохнули настоящим Большим театром.

А прием – до слез, отнюдь не по уместным или каким-то способностям, тем

более авторитету родителей, а по гибкости, пластичности, прыгучести, для чего связочки и суставчики проверяли до боли. Но ни в каком городе мира родители и дети так не рвались в балет, как во Владивостоке семидесятых.

Рвались, рвались и дорвались. Я много и мучительно думал, стоит ли возвращаться к васютинским бедствиям, наступившим после его триумфального шествия. Надо ли взбаламучивать муть, уже осевшую, в том числе и на дне его души, и в слабой памяти сограждан. "Новые песни придумала жизнь", и новые дети видят теперь эрмитажный блеск нового васютинского дворца. Он снова победитель, директор уникальной школы, он снова педагог в своем классе, и новым танцующим "клопам" вдохновенно командует: "Еще

Мир. 1995 – 1995 – 30 авг. – с. 12

Андрей ТАРАСОВ

Птица Феникс завтрашнего дня

Если кому-то на роду и написано
несколько раз воскресать,
то это владивостокскому
педагогу-хореографу Виктору Васютину

по два плив! Полетели! Теперь руками надо поднять себя и вот отсюда раскрыть их! И-р-раз!"

Однако не все так просто. И иммунитет наш к доисторическим мерзостям не так прочен, как бы хотелось. Очень легко представляется, как к этим новым детям, родившимся уже гораздо позже всей заварухи, подруливают старые фигуранты и нашептывают по обыкновению: "А вы знаете, что ваш директор изверг и садист?", "А вы знаете, что ваш директор преступник?", "А вы знаете, что ваш директор "сидел"?"

"А вы знаете, что эти полонезы и мазурки устарели, что ваш директор мастодонт?" И так далее. Поэтому лучше я сам этим детям кое-что объясню ради их понимания, хотя это довольно мучительно. Травить старые раны.

ПОНИМАЕТЕ, дети, если человек фантастически самоотвержен и буквально безжалостен к самому себе, если он себе не позволяет с температурой 38 пропустить репетицию, если сам не знает выходных и перерабатывает бесplatно десятки часов в неделю, то он наивно полагает, что ради детей и многие другие, особенно удстоенные высокого звания "педагог", должны восторженно терпеть такие же муки. Ну, по крайней мере, соблюдать правила. Знаете, что такое культ детей? Это особая подтянутость, чистоплотность в одежде и общении, это безупречная вежливость как образец для них. Начиная с себя. И форменный скандал, да, скандал за малейшее опоздание или прогул. Тогдашняя ученица-балериночка сейчас вспоминает: "И как же все это летит к черту, когда нет в

студии Виктора Федоровича! И мы видим, как из-за угла течет струйка дыма, это кто-нибудь из преподавателей перекур устроил. Васютин их за это гонял, а они его требовали за это не могли, потому что он требовал со всех и с себя в первую очередь".

Так, дети, появляются враги внутренние. Вот уже они шепчутся, что Васютин придира, вот бурчат, что мазурка и полька-бабочка устарели, что все эти строгие "шенэ" и "гран жэтэ" надо оставить в прошлом веке, а мы вас выучим чему-нибудь новаторскому, более свободному и более веселому. И рано или поздно в новаторской или обывательской части коллектива созревает анонимка, проверять которую приходит насупленная комиссия. Враги внешние.

Сколько я в свое время с этими комиссиями, ревизорами, инспекторами и даже следователями ОБХСС нараспугался о балете, читая их акты. Самую простую вещь, дети, понятную младенцу, можно вывернуть наизнанку и сделать государственным преступлением. Зачем в скромном детском учебном заведении все эти вазы, картины, хрусталь, ковры? Не иначе для того, чтобы не детский глаз примучать к гармонии и совершенству, а самому разжиться. Недаром дома у него полно этого статуэточного и вазочного антиквариата, любит красоту всякую. Ну да, любит. И в студии, и дома, и на улице, и на родительской делянке, которую превратил в сад. Вместе со мной одна из его заштитниц, простая женщина, воскликнула: "Что вы к человеку пристааете, у него ничего в жизни нет, одни цапки, чем они вам мешают?"

А вот мешают – и все. В обычной школе стены серые, полы исцарапаны, парты изрезаны, стекла выбиты, двери раздолбаны. А здесь в туалете такая же стерильная чистота, как в директорском кабинете. Подозрительно все это, дети. Любая чистота подозрительна. И вообще если это "Дом пионеров номер два", как сказано в разрешительном документе, то где положенные по инструкции остальные секции и кружки? Юных фотографов, авиамоделлистов, юных техников, "умелые руки"? Злостно нарушено Положение о внешкольных детских учреждениях, утвержденное Министерством просвещения РСФСР в какой-то бодяге от 4 апреля 1954 года! Это ли не грубое злоупотребление властью?

А вот и мамы с папами, родительский комитет, активисты. Смотрите, дети, как они старательно, с удовольствием и воодушевлением помогают шить костюмы, сооружать реквизит – для народных, характерных танцев, для классического балета. Вот бы спонсоры: так – но тогда еще этого слова не знали, а сейчас они еще эстетически не доросли до вашей школы. А вот родители тащат в студию каждый по трехлитровой банке крученой смородины с сахаром. Витаминная подкормка на всю зиму – вас поить черносмординовым морсом, потных, уставших, в перерывах между репетициями и танцклассами.

Как же это назовет дяденька с каменным лицом или тетенька из района? "Поборы с родителей", дети, будто сам хореограф лично одну за другой эти банки и съест.

Вам, дети, вообще завтра могут сказать: "Он же вам грубит, он вас оскорбляет, дебилами обзывает, разве не так? И вы можете слабенько кивнуть: да, так. Ну как же, было: мокрый от сотен показанных и повторенных движений, но с веселым чертиком в глазах: "Петя, у тебя, наверно, руки учатся в нормальной школе, а ноги в дебилийной! Когда они к нам перейдут?" Вы все прыскаете и веселее, в том числе и сам красавец Петя. Но в анонимке от доброжелателя появляется: "оскорбление".

Вам, дети, невдомек, что когда в начальных сферах меняются заинтересованные доброжелатели, то новых вершителей судеб уже коробит гордо поднятая голова и повышенное чувство собственного достоинства. Какой-то "танцоришка", а мораль партийному руководству читает о вдохновляющей силе искусства. Уж мы-то знаем, в чем она, сила, которую эстетической плетью не перешибешь. Когда все сошлось – куча бредовых анонимок, полуправда, существование студии, акты с невменяемыми нарушениями, кривой рот Первого лица со странным "благодарственным" заключением: "Нечего высываться, не таких ломали, Русланову поставили на место!" (смотрите, какая компания), – прямо в студию явились два "опера" и на глазах у детей с педагогами увели его в тюремную камеру. Ни больше, ни меньше. Неоднократно перерыли квартиру и старый родительский домик в Дроздовке, протоколируя каждую вазочку, каждую статуэтку, каждую книгу по искусству. Перетряхнули все студийные сундуки с изношенными париками, костюмчиками, тапочками. Не пожалели командировочных допрашивать людей в Москве и Ленинграде. Ничего не нашли. Ни одной несправедливой фарфоринки, ни антипедагогички, ни взяток, ни аморальных поступков. Ну просто ноль. Но запомните, дети, в таком случае сами правослужители, сунувшие человека в тюрьму, должны занять его место. По логике и по справедливости. Значит, надо своих выручать. И самым доступным способом. Вот вы, например, вместе с родителями послали в Москву три посылки с минтаевой икрой, сайрой и баночкой крабов, всего на 21, 10 и 32 рубля. Кому? Да работникам театрального магазина, которые несколько лет любозно продают и пересылают студии тапочки – их нужны сотни к началу каждого учебного года. Вы-то знаете, как балетная обувь горит на ногах. Жуткий дальневосточный дефицит милым отзывчивым девушкам. А знаете, как это можно озвучить? "Организация дачи взятки должностным лицам". И зачитать приговор. Слава те, господи, справились.

Неважно, что потом сама прокуратура сквозь зубы процедила: директорские действия "расценены ошибочно как преступление". Неважно, что родители, выросшие ученики, уже взрослые артисты и педагоги, известные хореографы из Москвы и Ленинграда, сам Махмуд Эсамбаев с ужасом слышали о содеянном с ним, забросав письмами все мыслимые редакции и инстанции. Неважно, что за него заступались корреспонденты "Правды", "Комсомолки". "Утра России", что голоса защитников звучали по радио. Отсиженного за решеткой в компании уголовников времени уже не вернешь. Кстати, сам он, большой пневмонией, обоглаженный и обворованный, выходил на принудительные работы рыть траншеи и обматывать трубы стекловатой с моцартовским превосходством: "Меня трудом исправлять? Это смешно! И пугать тоже. Мне было семь лет, отец был на фронте, я в деревне любую работу мог делать: копать, строгать, косить, еду варить, любой ремонт выполнять. Вязать даже научился..." И зывал к

самому Горбачеву со дна этих траншей: "Надеюсь, что моя мечта об основании на берегу Тихого океана театра оперы и балета осуществится".

Не все, не все, дети, бросились на помощь хореографу. Кто-то отводил глаза при встрече, кто-то перебежал на другую сторону улицы, кто-то опасался ставить подпись под петициями. Вот это тошнее всего. А один ученик, статный парень, некогда поклонившийся учителю, не пустил его обратно на место директора. Сам занял. Вырос, значит. Дорос до известного библейского подвига...

Сейчас ваш учитель с сорванным голосом и горящими глазами и мокрой спиной в окружении новых педагогов и концертмейстеров проходил с вами "Мазурку" и "Топ-топ", татарский и "Матрешки", покрикивая иногда: "Вы еще лопухи, а не "Лотосы", – наверстываются восемь лет отлучения от своей хореографии. Восемь лет отказа от приглашений в другие танцевальные города.

Чтобы взять реванш этой школой, которая, может быть, вырастет в хореографическое училище. В наше-то время, когда на этот еще год назад донельзя ободранный особняк из-под школьного трудового комбината претендовали ночное кабарэ, коммерческий офис, налоговая инспекция. И горстка таких же зараженных культурой и образованием чудаков из администрации города и края буквально протаранила все власти, чтобы отдать здание Васютину.

А ЗНАЕТЕ ли вы, дети, что такое начать все сначала, когда тебе не двадцать, не тридцать, а почти шестьдесят? И все равно оставаться таким же стройным, порывистым, то восторженным, то негодующим, работающим до седьмого пота? Своими руками буквально на ощупь принимать каждый метр помещений, гоняться за люстрами, от которых дети и взрослые придут в восторг, до хрипа спорить с молодыми художниками из-за эскизов барельефов и самому же охотиться за гипсом для них, выколачивать ракушечник из Казахстана, мрамор с Уссурийского завода, показывать директору "Стройдетали" изогнутые, скурченные перильца-станки вдоль стен танцклассы и убеждать переделать? Доказывать директорам других школ, что все это не роскошь, не подарки, а та же народная сметка, с которой открывают любую школу. "Но вот у меня провинился ребенок – я его на неделю "сослал" в свою, старую, пусть походит, сравнит. Возвращается с выпученными глазами: Виктор Федорович, у них в столовой на стенах солонка размазана, на полу макароны!" А здесь столовая – по чистоте, готовке, сервировке, этикету маленьких строгих дежурных – вы не видели такого в пресловутых партийных пансионатах.

И уж после всего этого, после отбора десятков детей в домпионерское кружок, и грянул полонез. И дети пошли гордой поступью по своей новой жизни, до девятого класса и балетных просторов. А мы, взрослые, пока не явились новые (старые) ревизоры подозрительно перетряхивать шкафы и сундуки с балетными костюмчиками, пока не набежали новые (старые) русские (или какие там) отбивать этот дворец искусства под ночное кабарэ или налоговую инспекцию, должны всерьез заняться новой наукой – фениксосоведением. И понять, почему один человек, у которого что-то построенное отбита и рушат, снова берется и строит, снова наводит эту самую поруганную красоту и верит (со времен наивного спасского детства), что она все-таки спасет мир. А другой, ничего не создавший, приходит, ломает, карает, вытаскивает, заплевывает и оставляет после себя гарь и копот. Если вы сравните и поймете – может быть, у России повысятся шансы. Хватит ей не вылезать из этого самого фениксового конвейера. То есть, переходить из пепелища в пепелище.

Фото Владимира БОГДАНОВА